

Н. П. СОКОЛОВ

**ВЕНЕЦИЯ И ВИЗАНТИЯ ПРИ ПЕРВЫХ ПАЛЕОЛОГАХ
(1263—1328)**

Темой настоящей статьи является один из вопросов международных отношений в районе Средиземноморья в конце XIII и начале XIV в., а именно — вопрос об отношениях между Венецией и Византией в это время.

Венецианский нобилитет в рассматриваемое нами время сосредоточил в своих руках все нити государственного управления¹. Все его представители были получателями феодальной ренты в разных ее видах, но преимущественно за пределами дуката; однако, по мнению одного из специальных исследователей этого вопроса, в бюджете венецианских нобилей решающее значение имела не эта последняя, а доходы от торговли и связанных с ней ростовщических операций². Венеция давно определила свое место в европейской торговле средневековья: она посредничала между Востоком и Западом, между Азией и Европой, вследствие чего торговые связи Венеции с портовыми городами Византии и прежде всего с самой столицей имели для нее огромное значение. Отсюда ее стремление как можно глубже проникнуть в поры Византии, добиваясь различных торговых и политических льгот и преимуществ. Так было в X, XI и XII вв., положение не было иным и в XIII в.

Отношение господствовавшего в Византии класса к торговле было противоречивым: как покупатели товаров и продавцы продуктов и сырья византийские феодалы были заинтересованы в широком привлечении в столицу и другие города империи купцов всех стран, предоставляя им максимально льготные условия; как участники в дележе собираемых государством налогов они должны были стремиться к максимальному обложению торговли. Среди многих противоречий, существовавших в Византии между придворно-бюрократической группировкой феодалов и военно-феодальной знатью, и это противоречие имело известное значение и отражалось на политике византийских базилиевсов. Идея по пути компромисса, византийское правительство находило выход из этого противоречия в максимальном обложении собственных купцов³ и в предоставлении льгот по обложению иноземным купцам, — итальянцам, провансальцам,

¹ Подробности в статье автора «Метрополия Венецианской колониальной державы в XIII в.» УЗ Горьк. гос. ун-та. Горький, 1954, стр. 67.

² G. Luzzato. *Studi di storia economica veneziana*. Padova, 1954, p. 82, 168, 191, 193.

³ В известной грамоте Алексея I Комнина, предоставлявшей венецианским купцам право бесполошной торговли, было перечислено шесть разнообразных налогов на торговлю с добавкой «и другие» (*Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta* (в дальнейшем FRA DA), vol. XII, p. 53.

барселонцам, выходцам с мусульманского Востока⁴. Это было причиной того, что политика правящего класса Византии по отношению к западным торговым республикам, и Венеции в частности, была изменчивой, колеблющейся.

* *
*

События 1261 г. лишили Венецию Константинополя и затруднили ей доступ в Черное море. «Эта потеря была в высшей степени досадна дожу», — писал по этому поводу Канале⁵. Это и понятно: Константинополь все еще оставался крупнейшим торговым центром на стыке Азии и Европы, а в Черном море у Венеции появились важные хозяйственные интересы.

Широко распространенное мнение о том, что Константинополь в результате событий первой половины XIII в. потерял свое прежнее значение и к концу XIV в. пришел в состояние полного упадка, опирается на свидетельство Никифора Григоры, который писал: «Влахернский дворец давно уже был покрыт копотью и пылью. Сам царственный город представлял собою обширное поле разрушения, покрытое щебнем и грудами камней: одни здания лежали в развалинах, а другие представляли собою ничтожные остатки пожара»⁶. В другом месте, в связи со смертью Андроника III (1341), он же отметил: «Некоторые императорские дворцы и знаменитейшие сооружения, почти совершенно разрушенные, превращены были в клоаки»⁷. Нельзя, однако, слишком широко толковать смысл этих строк византийского историка: он скользит по поверхности явлений, — здания его интересуют более, чем жизнь людей с их злободневными интересами. Несомненно, разрушения 1204 г. и последующее хозяйничанье крестоносцев лишило восточную столицу ее былого величия, а Палеологам нечего было и думать о восстановлении ее в прежнем блеске, — в этом Никифор Григора был прав; однако отсюда вовсе нельзя делать вывод о потере Константинополем экономического, в особенности торгового значения.

В этом отношении мы имеем свидетельство другого, гораздо более компетентного в делах этого рода очевидца, каким несомненно был Бальдуччи Пеголотти. Этот коммерсант написал свое сочинение, названное им «Практика торговли», между 1310 и 1346 гг.⁸ и, следовательно, является современником Никифора Григоры. В изображении Бальдуччи Пеголотти Константинополь все еще является одним из крупнейших центров в тогдашней «мировой» торговле. Город переполнен торговыми людьми из различных городов и областей Европы и Азии. Здесь мы видим, помимо генуэзцев и венецианцев, также флорентийцев, пизанцев, провансальцев, каталонцев, сицилийцев, сирийцев и т. д.⁹ С Константинополем и Перой так или иначе связаны Генуя, Венеция, Марсель, Понпелье, Авиньон,

⁴ Не говоря уже о беспопытной торговле венецианцев с конца XI в. и генуэзцев после Нимфейского трактата, различными льготами пользовались пизанцы, амальфитанцы и т. д.

⁵ M. de Canale. *Chronique des Veniciens*, vol. VIII, ed. Rossi. *Archivio Storico Italiano*, ser. I, 1845, p. 480.

⁶ Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia*. PG, t. 148, col. 219—220.

⁷ *Ibid.*, col. 775—776.

⁸ См. F. Balducci Pegolotti. *La pratica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts, 1936, p. XV.

⁹ *Ibid.*, p. 40, 41.

Ницца, города Апулии, Неаполь, Лукка, Пиза, Анкона, Флоренция, города Испании, Лондон, порты Черноморья — Тана и Кафа, порты северной Африки — Тунис, Александрия и т. д.¹⁰

Поражает обилие и разнообразие товаров, которые поступали в Константинополь из различных городов и стран Евразии. Бальдуччи Пеголотти называет: разные продовольственные товары — пшеницу, ячмень, рис, бобовые, орехи, фисташки, миндаль, фиги, каштаны, оливковое масло, разные вина, соль, рыбу, соленое мясо, сушеные фрукты, мед, сахар, конфеты; текстильное сырье — лен, хлопок разных сортов, шерсть, шелк-сырец и ткани из них; меха, кожи и кожевенные изделия; разнообразные металлы — железо, олово, свинец, медь, ртуть, золото и серебро, изделия из них; различные товары восточного происхождения — пряности и прежде всего перец, лаки, ладан, алоэ, камедь, мастику, амбру, кораллы, жемчуг; квасцы, воск, мыло, свинцовый глет, смолу, серу и т. д.¹¹ Все эти товары продавались в Константинополе как оптом, так и в розницу¹². В Константинополе обращались монеты самых разнообразных стран и городов, но основной денежной единицей был по-прежнему византийский перпер¹³.

Из всего этого следует, что в XIII и XIV вв. Константинополь отнюдь не был захолустьем, он все еще играл крупную роль в международном обмене.

С другой стороны, резко выросло значение портов Черного моря. Бальдуччи Пеголотти сообщает, что в связи с созданием огромной Монгольской державы в Азии, наиболее безопасным путем в Китай стал северный путь, через области, на которые простиралась власть великого хана¹⁴. В то же самое время проникательные умы на лагунах уже в 60-х годах XIII в. учитывали возможность потери крестоносцами всех их владений на восточных берегах Средиземного моря. В одном документе, относящемся к 1260 г., содержится соглашение, действие которого прекращается при том условии, если «случится — от чего да избавит бог — что народ христианский города Акры вместе с венецианцами, клиром и епископом будет изгнан неверными»¹⁵. В связи со всем этим некоторые портовые города Черного моря превращались в естественные исходные пункты для торговли с отдаленным Востоком. Наиболее важными такими портами были прежде всего Тана в устье далекого Дона и Трапезунт на южном побережье «Великого моря». Оба пути подробно описаны Бальдуччи Пеголотти.

Легко понять, какое огромное значение приобретала и для Венеции и для всего района Средиземного моря тонкая водная артерия, которая связывала Черное море с морем Средиземным, т. е. проливы Босфорский и Дарданельский.

Потеряв Константинополь и проливы, Венеция, разумеется, отнюдь не потеряла значения крупной экономической и политической силы в водах Восточного Средиземноморья. Она и после этой потери сохранила в своих руках большую часть «византийского наследия» и далеко не безуспешно вела борьбу со своим противником на Востоке, Генуей; тем менее имела

¹⁰ F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura, p. 48—52.

¹¹ Ibid., p. 33 sq.

¹² Большая часть перечисленных здесь товаров фигурирует также и в *Judicium in causis piraticis*, документе XIII в., составленном в Венеции, в котором изложены жалобы венецианских купцов на ограбление их кораблей и расхищение товаров. Документ находится в изд. FRA DA, vol. XIV, p. 112 sq.

¹³ F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura, p. 40.

¹⁴ Ibid., p. 22.

¹⁵ FRA DA, vol. XIV, p. 34.

она оснований отказаться от мысли вернуть потерянные позиции на Босфоре.

Разрешения этой задачи можно было искать в двух направлениях: с одной стороны можно было бы попытаться силой вернуть все утраченное на проливах, — и это первое, что должно было прийти на ум венецианским политикам; с другой стороны, можно было примириться с частью потерь и путем мирных переговоров вернуть основное, — к этой мысли венецианцы могли привыкнуть лишь после ряда неудач на первом из этих двух путей. Ход политических событий в ближайшие за 1261 годы показывают, что венецианцы действительно пытались сначала встать на первый из этих путей, потом перешли на второй, не отказываясь, однако, от использования любых других возможностей возвращения потерянных позиций на Босфоре.

I

Венеция не могла и не хотела решать задачу по восстановлению владычества латинян на Востоке одна, без союзников. Международная обстановка, однако, не была благоприятной для венецианских планов. Помимо Венеции, в возвращении Константинополя были заинтересованы несомненно папа и экс-император Балдуин; но папа, как показали события, не очень-то хотел раскошелиться и предпочитал действовать духовным оружием, которое за столько лет тяжелых неудач успело серьезно притупиться, а Балдуин мог рассчитывать лишь на помощь государей Европы. Между тем французский король Людовик IX, потерпев неудачу в Египте и Палестине, готовился к новой крестоносной авантюре, конечная цель которой лежала далеко от пределов Константинополя. На Пиренейском полуострове все еще продолжалась борьба с маврами. В Германии господствовала феодальная анархия. Народы Центральной и Восточной Европы еще не оправались от ужасов татарского нашествия. Манфред, фактический король Южной Италии, изъявлял готовность принять участие в отвоевании Константинополя, но папа и слышать не хотел о каких-либо совместных с ним действиях, — борьба пап с Гогенштауфенами еще не была полностью закончена. Наконец, сама Венеция все еще воевала с Генуей, которая спешила реализовать на Востоке выгодные для нее условия Нимфейского трактата. При таких условиях трудно было рассчитывать на успех восточного предприятия.

Бежавший из своей столицы экс-император, заручившись обещанием поддержки со стороны своих вассалов, направился прежде всего к Манфреду¹⁶. Король сицилийский выразил полную готовность содействовать плану Балдуина, и этот последний с предложениями Манфреда направился к папе в Витербо, куда в 1262 г. прибыли и венецианские послы, вызванные Балдуином. Это были Микбеле Дауро и Марко Джустиниани¹⁷. Однако все усилия Балдуина и венецианских послов, предлагавших от имени дожа перевозочные средства для нападения на Константинополь, уговорить Урбана IV принять предложения Манфреда не привели ни к чему¹⁸.

Вместо этого папа пытался организовать крестовый поход на Константинополь и объявил, что тот, кто пойдет на помощь Латинской импе-

¹⁶ M. Canale. *Chronique des Veniciens*, p. 498 sq.

¹⁷ *Ibid.*, p. 502; A. Danduli. *Chronicon Venetum*, ed. Muratori. *Scriptores rerum italicarum* (далее SS), vol. XII, col. 369.

¹⁸ M. Canale. *Chronique des Veniciens*, p. 500.

рии, которая все еще мыслилась существующей, получит те же небесные и земные выгоды, как и тот, кто отправится «во святую землю». Проповедь велась во Франции, Кастилии, Арагоне, Польше и других странах, но папский призыв не нашел отклика¹⁹.

Балдуин, со своей стороны, вместе с одним из венецианских послов, Марко Джустиниани, из Витербо отправился во Францию, но помощь Людовика IX не пошла дальше выкупа сына Балдуина Филиппа, «заложненного» отцом в Венеции у банкирского дома Ферро²⁰. Столь же безуспешными были переговоры и при дворе кастильского короля Альфонса X. Охладел к делу борьбы против «схизматиков» и сам папа Урбан IV, так как он был теперь целиком поглощен передачей сицилийской короны брату французского короля.

Таким образом, ни Балдуин, ни венецианские послы не «могли добиться от папы ничего кроме слов»²¹. Райнерио Цено, дож венецианский, не без основания в 1264 г. писал папе: «В настоящее время, когда названная империя (Латинская империя. — Н. С.) находится в столь стесненном положении, дож и Венецианская коммуна одни только... заботятся об ее укреплении и защите...»²².

Все это должно было подготовить венецианских политиков к мысли о соглашении с Михаилом Палеологом, к попытке решить интересовавшую их задачу мирным путем.

Византийский император со своей стороны имел достаточно оснований к тому, чтобы искать сближения с Венецией. Правда, военные успехи Михаила Палеолога с занятием Константинополя не кончились: Никифор Григора и Пахимер сообщают, что царский флот и войска овладели многими островами Эгейды, на Эвбее захватили Ореос и Каристос, на Пелопоннесе расширили владения в районе Монемавасии и овладели Спартой²³. Михаил Палеолог не мог, однако, не понимать того, что Венеция после константинопольской неудачи не перестала быть крупной политической силой и мощною морской державой с важными экономическими и политическими интересами в районе Восточного Средиземноморья. Генуя — это в 60-х годах стало очевидным — не могла сломить морского могущества своего торгового соперника, и война между ними постепенно затухала. С другой стороны, Михаил Палеолог не мог быть уверенным в том, что папская проповедь крестового похода на Константинополь не увенчается в конце концов успехом и он не увидит под стенами столицы новых крестовых банд, доставленных на Босфор венецианским флотом. К тому же генуэзцы оказались плохими союзниками: в 1264 г. выяснилось, что генуэзский подеста в Константинополе, Гийельмо Гверчио, вступил в сношения с Манфредом и стоявшим позади него Балдуином, обещая содействовать им в захвате Константинополя²⁴. Михаил Палеолог, как сообщает в своей «Хронике» А. Дандоло, «убедившись в том, что из вражды к венецианцам и благосклонности к генуэзцам он не извлек ничего хорошего», направил одного из венецианцев, оказавшегося в Константинополе, — его звали Энрико Тревизано — позондировать на лагунах почву

¹⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 57.

²⁰ Marino Sanudo Torsello. Istoria del Regno di Romania, ed. K. Hopf. Chroniques greco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 115.

²¹ A. Danduli. Chronicon, col. 369.

²² FRA DA, vol. XVI, p. 56.

²³ Georgius Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis. PG, t. 143, col. 616—617. Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 232.

²⁴ См. E. Dade. Versuche zur Wiedeherrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopel. Würzburg, 1937, S. 16.

для соглашения. «Тогда дож, — продолжает Дандоло, — видя, что Балдуин не сможет добиться у западных государей ничего хорошего, дал согласие на перемирие»²⁵. В Константинополь были направлены представители дожа Якопо Дельфино и Якопо Контарино для того чтобы выработать условия мира. Это было в 1265 г.

В марте проект был составлен²⁶. Одним из первых условий мира император выдвинул требование, чтобы дож не заключал договоров, направленных против Византии, кто бы ни был ее противником — папа, короли Франции, Сицилии, Кастилии, Англии, Арагона или коммуны Генуи, Пизы, Анконы. От всех пилигримов, отправляющихся на Восток на венецианских кораблях, венецианские власти должны были требовать клятвенное обещание, что они не будут действовать против империи²⁷. Со своей стороны император предложил восстановить на всем пространстве империи прежние привилегии венецианских купцов и сохранить за Венецией все те греческие территории, которые в это время находились в ее руках. В проекте подробно перечисляются все крупнейшие торговые города и порты Византии, в которых венецианцы могут держать свои торговые дворы и вести беспрошленную торговлю. В своих причерноморских владениях империя обязывалась предоставить венецианцам земли для постройки укреплений там, «где им это будет угодно»²⁸. Вместе с тем, поскольку в это время Михаил находился в споре с генуэзцами, а Венеция воевала с ним, он взял на себя обязательство изгнать генуэзцев и «никогда их более не допускать». Наконец было условлено, что ущерб, который будет причинен торговым кораблям одной страны пиратами другой страны, должен возмещаться соответствующим правительством²⁹.

Но в это время в международной жизни произошли события, из которых Венеция думала извлечь бóльшие выгоды, чем те, которые сулил ей проект мирного договора 1265 г. Преемник Урбана IV, Климент IV, продолжал политику своего предшественника и добился открытого выступления Карла Анжуйского против Манфреда. 26 февраля 1266 г. Карл разгромил Манфреда в битве при Беневенте и стал королем Сицилии и Неаполя. Вместе с Сицилийским королевством Карл Анжу унаследовал от Манфреда и честолюбивую мысль о возвращении Константинополя под власть латинян³⁰. Он начал, однако, с реализации менее обширных планов. В качестве наследника Манфреда, у которого были владения в Эпире, Карл в начале 1267 г. овладел Корфу и вступил на территорию Эпира³¹. Балдуин тем временем пытался заинтересовать в своих планах герцога Бургундского, которому он сулил не принадлежавшее ему королевство Солунское. Убедившись в бесплодности этих попыток, он вновь возложил свои надежды на папу, рассчитывая вместе с тем и на его ставленника на сицилийском троне. Балдуину казалось, что он найдет в Карле Анжу деятельного сторонника своих планов, и он вступил с ним и папой в переговоры. Намечалась перспектива большого союза короля сицилийского, папы, князя Ахейского Виллардуэна, а возможно и французского короля против Михаила Палеолога.

²⁵ A. Danduli. Chronicon, col. 370, 373.

²⁶ Текст этого проекта Ф. И. Успенский принял за договор («История Византийской империи», т. III, стр. 631). Эту ошибку допускает также и новейший историк Латинской империи Ж. Лоньон (J. Lagnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949, p. 235).

²⁷ FRA DA, vol. XIV, p. 79.

²⁸ Ibid., p. 82.

²⁹ Ibid., p. 86.

³⁰ Georgius Pachymeres. De Michaelae et Andronico Paleologis, col. 810.

³¹ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 288, 289.

В Венеции решили не торопиться с подписанием проекта соглашения 1265 г.

Должен был пересмотреть свои позиции и Михаил Палеолог. Колебания венецианцев заставили его помириться с генуэзцами, которым тогда отдана была Галата, превращенная потом Лигурийской республикой в своеобразное государство в государстве³². В том же 1267 г. византийский император отправил письмо к папе с предложением продолжить начатые еще при его предшественнике переговоры о соединении церквей, что при данных обстоятельствах означало подчинение восточной церкви папскому авторитету, но папа за это должен был воспрепятствовать честолюбивым планам Карла Анжуйского. Михаил Палеолог выражал даже готовность «помочь святой земле», если он будет избавлен от угрозы с запада³³. Папа встретил сделанные ему предложения благосклонно. Не надеясь на одну только дипломатию, император принял меры к усилению оборонительной системы Константинополя, пополнял его запасы на случай осады и усиливал флот³⁴.

Тем временем переговоры Балдуина закончились подписанием в 1267 г. договора в Витербо. Договор предусматривал обязательство Карла Анжу содержать за собственный счет 2 тыс. рыцарей в течение 6—7 лет для завоевания потерянных Балдуином владений на Востоке. За это Балдуин отказывался от своих сюзеренных прав над княжеством Ахейским³⁵. Карл мог сохранить за собой в Эпире все владения Манфреда, уступленные тому в свое время деспотом Михаилом II в качестве приданого за его дочь Еленой, т. е. остров Корфу, Драч, Авлону и Канину³⁶. Одна треть завоеванных при помощи Карла земель должна была стать его владениями. Карл мог сделаться солунским королем и даже императором Латинской империи, если Балдуин и его сын Филипп не оставят наследников. Договор скреплялся брачным союзом: Филипп должен был жениться на Беатрисе, дочери Карла Анжуйского³⁷.

Содержание трактата не могло не разочаровать венецианское правительство. Союзники хотели обойтись без венецианской помощи, решив атаковать владения Михаила Палеолога с суши; реализация договора чрезвычайно усилила бы Карла Анжуйского, который мог стать опасным для самой Венеции; оба берега Отрантского пролива оказались бы в руках сильного государя, ворота на Восток могли быть наглухо закрыты. Правда, договор в Витербо специально оговаривал неприкосновенность прав Венеции на Востоке, но дипломаты с лагун знали цену пергаментам, подписанным коронованными особами.

С другой стороны, прозорливые венецианские политики могли предвидеть крушение этих планов. Конрадин Гогенштауфен и гибеллины Италии еще не были побеждены, — папа и Карл должны были подумать прежде всего об устранении этой опасности. Людовик IX готовился к крестовому походу и хотел увлечь за собою своего сицилийского брата. Балдуин и князь Ахейский были бессильны.

Наконец, в Венеции все более тяжело ощущалась потеря византийского рынка и прекращение доступа в Черное море.

³² F. Dölger. *Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe „A“ Regesten*, vol. III (1204—1282). München und Berlin, 1932, S. 50.

³³ *Ibid.*, S. 51.

³⁴ Georgius Pachymeres. *De Michaelē et Andronico Paleologis*, col. 603. Niphorus Gregoras. *Byzantina Historia*, col. 292.

³⁵ J. Lognon. *L'empire latin...*, p. 237.

³⁶ *Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*, ed. Thaloszky; K. Ireček. *Sufflay*, vol. I, Vindobonae, 1913, p. 71, № 245, 246.

³⁷ E. Dade. *Versuche...*, S. 28 f.

Все это заставило венецианское правительство отказаться пока от своей программы-максимум и вернуться на путь переговоров с Михаилом Палеологом. В ноябре 1267 г. в Константинополь были отправлены Марино Бембо и Пьетро Цено для того, чтобы возобновить переговоры с императором. Эти переговоры привели, наконец, к заключению мирного договора 1268 г.³⁸

Договор в своей основе воспроизводит условия проекта 1265 г. с некоторыми, однако, изменениями, вызванными изменившейся международной обстановкой. К их числу относится вопрос о генуэзцах. К этому времени генуэзцы уже прочно сидели в Галате и трудно было удалить их отсюда, да в этом не было и особой надобности, так как Михаил Палеолог решил возвратиться к старой политике противопоставления одной итальянской республики другой. В договоре от 1268 г. император пытался занять нейтральную позицию по отношению к враждовавшим между собою республикам: император обещал венецианцам безопасность от генуэзских нападений на всем пространстве его владений к северу от Абидоса и на Черном море, но венецианцы со своей стороны должны были воздерживаться здесь от нападений на генуэзцев³⁹. В договоре нет также подробного перечисления отдельных географических пунктов, в которых венецианцам отводились бы особо пожалованные районы, но их право на это было гарантировано в общей форме: император гарантировал венецианцам свободу приобретать дома, хлебопекарни, печи, бани без всякого противодействия с чьей бы то ни было стороны как в Константинополе, так и в других местах империи⁴⁰. За все эти уступки дож должен был отказаться в своих сношениях с Византией от пышной части своего титула «владельца трех восьмых империи Романии» и довольствоваться наименованием «господина земель и островов, находящихся под его властью», равно как и венецианский представитель в Константинополе отныне должен был именоваться не подеста, а байло⁴¹.

Во второй половине 1268 г. договор был ратифицирован как Михаилом Палеологом в Константинополе, так и новым дожем Лоренцо Тьеполо — в Венеции⁴².

II

Договор от 1268 г. стабилизировал взаимоотношения Венеции и Византии. Византия признала за Венецией все, что она сумела сохранить из захваченного ею в начале столетия, и восстановила прежние привилегии венецианских купцов; Венеция сделала вид, что она примирилась с потерей Константинополя и привилегированным положением в нем генуэзцев. Мир, заключенный с Генуей в 1271 г.⁴³, положил конец начавшейся еще в 1256 г. войне между обеими торговыми республиками и должен был способствовать установлению мира на Востоке.

Михаил Палеолог, однако, хорошо понимал, что опасность с запада отнюдь не исчезла: ни папа, ни Карл Анжуйский не отказались от своих честолюбивых планов, а Балдуин нашел нового паладина в лице графа Шампанского Тибо, с которым он в марте 1269 г. заключил договор о по-

³⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 373.

³⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 96.

⁴⁰ Ibid., p. 96.

⁴¹ Ibid., p. 77, 83.

⁴² Ibid., p. 101, 102.

⁴³ A. Danduli. Chronicon, col. 380.

мощи в овладении империей за одну четверть будущих завоеваний⁴⁴. Стало известно также, что Карл Анжу пытался теперь отвлечь Венецию от избранного ею пути и заинтересовать ее договором в Витербо. Так как теперь в Венеции довольно холодно отнеслись к этим предложениям, то Карл адресовался за поддержкой своих планов в Венгрию, к давнишнему противнику Венеции, и заключил с венгерским королем договор о совместных действиях на Востоке⁴⁵. Этими опасениями было вызвано посольство Михаила Палеолога в 1269 и потом в 1270 г. к французскому королю Людовику IX с просьбой отклонить Карла от его завоевательных планов⁴⁶. Не без влияния этих же соображений император в 1272 г. еще раз подтвердил генуэзцам их привилегии, предоставленные им в свое время Нимфейским трактатом⁴⁷. Этим объясняются также усиленные переговоры Михаила Палеолога с папством об унии, которые он вел несмотря на наличие сильной внутренней оппозиции и которые привели к появлению византийских послов на Лионском соборе 1274 г., где представители Венецианской республики могли собственными ушами слышать, как греки «торжественно и громким голосом провозгласили происхождение св. духа от отца и сына»⁴⁸.

Договор 1268 г. был заключен на 5 лет, по истечении которых стороны могли продолжить его действие. И в самом деле, договор был продолжен, несмотря на то, что папа Григорий X, еще не уверенный в том, что переговоры об унии закончатся благоприятно, всячески старался воспрепятствовать его перезаключению. Папа в письме на имя дожа требовал, чтобы Венеция воздержалась от соглашения с Михаилом Палеологом. Синьерия ничего не ответила на это послание. «Церковные Анналы» Райнальда под 1272 г. приводят выдержку из нового письма папы дожу: «Твоему молчанию, сын мой, не можем не удивляться... Ты до сих пор не позаботился ответить на наше письмо и пренебрежительно отнесся к нашим указаниям»⁴⁹. Папа еще раз настаивал на своем, но в Венеции хотели сами делать свою политику и действовать не в папских, а в собственных интересах.

Бесплодными оказались и новые попытки Карла Анжуйского вовлечь Венецию в сферу своих интересов и отклонить ее от возобновления договора, предпринятые им вместе с Балдуином в 1272 г. Планы Карла, полностью реализовавшего в Эпире свои «права» на наследство Манфреда⁵⁰ и принявшего титул короля Албании, при дружбе его с Сербией, Болгарией и Венгрией, угрожали, как думали на лагунах, жизненным интересам Венеции. Отправив посольство в Константинополь для возобновления договора, дож обещал ответить на предложение Карла и Балдуина позднее⁵¹. В 1273 г. Венеция и Византия, обменявшись посольствами, заключили соглашение о продлении договора на новый срок⁵².

⁴⁴ FRA DA, vol. XIV, p. 91, 92.

⁴⁵ E. Dade. L'empire latin... , p. 39.

⁴⁶ F. Dölger. Corpus... , p. 55—56.

⁴⁷ Ibid., p. 59 f.

⁴⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 383.

⁴⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 125.

⁵⁰ Acta et diplomata Albaniae, p. 73, № 254, 255, 256.

⁵¹ A. Danduli. Chronicon, col. 382.

⁵² Так как текст перезаключенного договора не сохранился, то в исторической литературе существует мнение, что в Венеции вняли призывам папы и Карла и договор в 1273 г. возобновлен не был. (F. Walter. Die Politik der Kurie unter Gregor X. Berlin, 1894, S. 45; W. Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 503; E. Dade. L'empire latin... , p. 46). Однако в договоре от 1277 г. есть прямое указание на продолжение действия трактата от 1268 г.: „Мирный договор, заключенный ранее, благодарение богу сохранился и, будучи поименен в срок, в нем

Нельзя сказать, что взаимоотношения между Венецией и Византией за истекшее пятилетие не были омрачены взаимными недоразумениями. И не только пиратские ограбления, но и феодальная анархия были источниками таких недоразумений. Например, в самый год заключения мира с Византией феодалы Негропонта, несмотря на категорическое запрещение байло Негропонта Андрея Дандоло, вооружив 17 галер, совершили набег на берега Малой Азии, находившиеся под властью Византии⁵³. Набег был отражен, и несколько сотен эвбейцев взяты были в плен греками. В ответ на это выступление флот Михаила Палеолога совершил нападение на Ореос, расположенный в северной части Негропонта.

Но обе стороны, по-видимому, не желали углубления конфликтов. Византия не только более или менее аккуратно компенсировала венецианских купцов за убытки от нападений греческих пиратов, но охотно согласилась при продлении договора на новый срок отпустить из плена тех эвбейских авантюристов, которые пять лет назад были захвачены греками. Хроника Дандоло сообщает, что таким образом было освобождено до 500 человек⁵⁴. Со своей стороны и Венеция, видя, что папство в лице Григория X было более склонно добиваться признания своего верховенства над восточной церковью путем переговоров, чем путем прямого захвата Константинополя, также проявляла известную осторожность и, как мы видели, очень сдержанно относилась к новым проектам вооруженного захвата восточной столицы, которые вынашивались Балдуином и Карлом Анжу.

Политика Палеолога, таким образом, достигала своей цели. Она, впрочем, была поддержана и успехами его оружия. В 1274 и 1275 гг. византийские войска отвоевывают часть населенных пунктов, захваченных Карлом в Эпире: император овладел Бутринто и его войска появились под Драчем. Это дало возможность Михаилу Палеологу заключить в 1275 г. перемирие с главным виновником беспокойства, Карлом Анжу. Перемирие, правда, было заключено всего на один год⁵⁵, но это было очевидным признанием со стороны противника невозможности для него в данное время приступить к реализации уже давно и широко прокламированных им планов.

III

Михаил Палеолог должен был понимать, что мир он покупает дорогою ценой: теперь не только венецианские, но также и генуэзские купцы были свободны в пределах империи от всякого обложения, что серьезно подрывало торговлю подданных императора. Помимо купцов этих республик в Константинополе, как мы знаем, оперировали и представители других итальянских городов. Правда, все они должны были платить в пользу императорской казны определенные пошлины, но эти пошлины были незначительны и не превышали, по-видимому, 2—2,5%. Во всяком случае, именно столько платили купцы Пизы, Флоренции и некоторые другие во время Бальдуччи Пеголотти⁵⁶. Черноморская торговля едва ли не оказа-

предусмотренный, действовал вплоть до сегодняшнего дня» (FRA DA, vol. XIV, p. 134). Из этого положения Даде пытается выйти догадкой, что венецианцы нарочито вставили этот пункт в 1277 г., чтобы обосновать задним числом свое право на возмещение убытков от пиратских ограблений за все время с 1268 г. Догадка эта слишком искусственна, чтобы быть убедительной.

⁵³ A. Danduli. Chronicon, col. 379.

⁵⁴ Ibid., col. 382.

⁵⁵ F. Dölger. Corpus..., p. 65.

⁵⁶ Мнение о том, что флорентийские купцы также не платили никаких пошлин, как это утверждается в одной из новейших работ (А. Д. Эпштейн. К вопросу

лась почти целиком в руках итальянцев, в то время как именно черноморские порты приобретали все большее значение. Таким образом, политика противопоставления одних итальянцев другим обходилась дорого. А венецианцы пользовались каждым случаем для того, чтобы еще больше расширить свои привилегии. Так, после того как Михаил Палеолог в 1275 г. вновь подтвердил Генуе все ее привилегии, Венеция поставила в 1276 г. перед византийским императором вопрос о новом договоре, хотя срок действия предшествующего еще не кончился. Результатом переговоров был хрисовул Михаила Палеолога от 1277 г.⁵⁷ Хрисовул обеспечивал венецианцам все прежние их привилегии, закреплял их владения в пределах Романии, значительно расширял их квартал в Константинополе, благоприятно разрешал вопрос о венецианском консульстве в Солуну, расширял юрисдикцию венецианского байло в Константинополе. Император по-прежнему брал на себя обязательство возмещать венецианским купцам убытки, причиненные пиратами-греками, а также генуэзцами на всем пространстве империи к северу от Абидоса, и разрешал свободную закупку хлеба и корабельных снастей. Решение спорных вопросов о происхождении товаров, — свободой от обложения пользовались лишь товары венецианских купцов, — предоставлялось венецианскому байло. Хрисовулу была придана форма договора, действие которого было рассчитано на два года с автоматическим продлением его на новое двухлетие, если не последовало отказа от одной из сторон⁵⁸. Всякие недоразумения, которые могли произойти в связи с нарушением той или иной статьи хрисовула, не давали права противной стороне начинать враждебные действия, — недоразумения надо было решать мирным путем.

Византия шла на все эти уступки, чтобы обезопасить себя от покушений с запада и развязать себе руки для укрепления своего положения в водах Архипелага и для устранения угрозы из Албании. На какое-то время эта цель была достигнута.

В 1278 г. адмирал Михаила Палеолога Ликарио завоевал значительную часть Негропонта и взял в плен герцога Афинского. В следующем году еще раз было приостановлено наступление, предпринятое отрядами Карла Анжуйского из Албании. Однако именно в этих успехах Михаила крылись корни дальнейших осложнений.

Усиление Византии и в частности успехи Палеолога в Архипелаге очень не нравились Венеции. Привилегия адмирала Ликарио на обладание Негропонтом, выданная Михаилом Палеологом в 1280 г.⁵⁹, не могла не вызвать сильного раздражения на лагунах. С другой стороны, в Византии начали сквозь пальцы смотреть на выступления греческих корсаров против судов венецианского торгового флота. Правда, император должен был возмещать причиненные его подданными убытки, но реализация этого обязательства, по мере усиления Михаила Палеолога, становилась все более и более трудной. Венеция предпочитала теперь вооруженной рукой защищать неприкосновенность своего торгового флага. Свои торговые суда Венеция стала отправлять на Восток под охраной военных кораблей. При доже Якопо Контарини (1275—1280) республика дважды посылала большие военно-торговые экспедиции на Восток: первый раз военный эскорт состоял из 25 галер под начальством Якопо Тьеполо, причем прямо имелась в виду опасность со стороны греков, «которые с флотом прибыли к берегам

о раннем капитализме во Флоренции XIV в. СВ, 1953, т. IV, стр. 348), ни на чем не основано.

⁵⁷ F. Dölger. Corpus..., p. 68—69.

⁵⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 393—394.

⁵⁹ F. Dölger. Corpus..., p. 72.

Крита»⁶⁰, а второй раз — это было в 1279 г. — Венеция отправила свой торговый караван под эскортом 20 галер и опять-таки «для того, чтобы не было причинено ущерба со стороны греческого флота»⁶¹. То обстоятельство, что в обоих случаях предусматривалась опасность со стороны греческого флота, а не отдельных пиратов, говорит за то, что в Венеции готовились к прямому военному нападению Византии на венецианские торговые корабли.

Не могло не раздражать венецианцев, наконец, неизменно дружественное отношение Михаила Палеолога к генуэзцам, торговые успехи которых в Восточном Средиземноморье и особенно в Черном море возбуждали зависть у венецианских купцов.

Всего этого было достаточно, для того чтобы сделать Венецию внимательной к тем планам сокращения Византии, которые все еще вынашивались на Западе.

Балдуин умер в 1273 г., и его «права» перешли к его сыну Филиппу, зятю Карла Анжуйского. Со своей стороны этот последний, дважды потерпев неудачу в попытках пробиться к Константинополю из Албании, понял, что без венецианской помощи в деле реализации его восточных планов ему не обойтись. Карлу несомненно хорошо была известна напряженность отношений между Венецией и Византией, равно как и то, что в 1279 г. истек срок заключенного между ними договора. Можно было надеяться, что венецианцы на этот раз будут более сговорчивыми.

Кроме того, произошла еще одна важная перемена. В 1280 г. умер папа Николай III, сторонник унии, и его место занял Мартин IV, француз, горячий сторонник восточных планов короля сицилийского. Новый папа резко изменил политику своих предшественников. Византийское посольство было очень сухо принято при папском дворе, а затем последовало отлучение от церкви «схизматика» Михаила. Похоже было на то, что давно затевавшийся крестовый поход состоится.

Так возникла почва для сговора в Орвието. Уже весной 1280 г. начались и долго шли переговоры между Карлом Анжуйским и послами дожа — Дандоло, Якопо Тьеполо и Маттео Квирины. Желая на деле показать серьезность своих намерений, Карл собирает в Албании войско из 2 тыс. рыцарей. Переход княжества Ахейского после смерти Виллардуэна в 1278 г. непосредственно в руки его сюзерена облегчал проведение этих подготовительных мероприятий. В этом же 1280 г. сделана была попытка общими морскими силами атаковать владения византийцев на Негропонте⁶². Она была безуспешной, но она свидетельствовала о готовности той и другой стороны к совместным действиям.

Результатом переговоров был договор, заключенный королем сицилийским с Венецией в июле 1281 г., утвержденный затем в августе высшими органами республики⁶³.

По смыслу договора в Орвието Венеция была обязана выставить для похода под Константинополь 40 галер, а Карл Анжуйский — 8 тыс. солдат и столько же лошадей. Выступление намечалось на весну 1283 г. Однако военные действия в малом масштабе решено было организовать уже в 1282 г. К маю этого года Венеция и Карл Анжу должны были приготовить по 15 галер, а последний, кроме того, еще 10 грузовых судов и триста рыцарей⁶⁴. Сборным пунктом этих морских сил был назначен остров Корфу.

⁶⁰ A. Danduli. Chronicon, col. 392.

⁶¹ Ibid., col. 398.

⁶² Sanudo Torsello. Istoria, p. 129—130.

⁶³ FRA DA, vol. XIV, p. 291—292.

⁶⁴ Ibid., p. 290, 296.

Обе стороны — Филипп не представлял собою отдельного партнера в договоре — обязаны были не заключать мира с Палеологом до полной реализации цели похода⁶⁵.

Мартин IV не принимал прямого участия в договоре, но он скрепил его тем, что в октябре 1281 г. повторил отлучение Михаила Палеолога и запретил приходить к нему на помощь кому бы то ни было⁶⁶.

Начались обширные приготовления обеих сторон. Если верить Марино Санудо, то Карл Анжуйский подготовлял до 100 галер и тяжелых грузовых кораблей, и до 8 тыс. рыцарей готовы были отправиться на Восток⁶⁷.

План был задуман широко, но и он, как и много других, кончился ничем. Михаил Палеолог, справедливо усматривавший главную опасность со стороны Карла Анжуйского, предпринял дипломатические шаги, которые должны были парализовать анжуйца. Получив известие, вероятно от генуэзцев, которых Карл безуспешно пытался привлечь к участию в походе, о замыслах своих противников, Михаил Палеолог начал переговоры с Петром Арагонским, приглашая его отнять владения у Карла Анжуйского, «ким незаконно захваченные», и для начала операций послал ему 30 тыс. перперов, обещая в дальнейшем выплачивать ежегодно по 60 тыс.⁶⁸ Известную роль в этих дипломатических переговорах сыграли опять те же генуэзцы, которым вовсе не улыбалась перспектива водворения Венеции на Босфоре. Как известно, намечавшийся на весну 1282 г. «предварительный» поход на Восток был сорван событиями в Сицилии и последовавшим затем выступлением арагонцев. Карлу Анжуйскому теперь было не до Константинополя. Это охладило и второго партнера намечавшегося предприятия. Венеция, как и раньше, не хотела одна разрешать восточного вопроса. Правда, руки ее теперь не были связаны войной с Генуей, — мир, заключенный в 1271 г., в 1275 г. был продолжен еще на два года⁶⁹, а потом еще на одно двухлетие и затем на новое трехлетие⁷⁰; но на лагунах не были уверены в том, что Генуя не воспользуется первым удобным случаем к тому, чтобы возобновить старую вражду. Кроме того, венецианское правительство, начиная с 1278 г., принимало участие в борьбе за истрийские владения⁷¹ и воевало с Анконой⁷². Всего этого было достаточно, чтобы орвиетская затея провалилась.

Договор в Орвието не привел к практическим результатам, но участие в нем Венеции должно было еще больше обострить ее противоречия с Византией. Михаил Палеолог и его преемник еще раз могли убедиться в том, что на нейтралитет и тем более на дружбу с Адриатической республикой рассчитывать нельзя. Вместе с тем поскольку в договоре от 1277 г. предусматривалось, как мы видели, автоматическое его продление в том случае, если с той или другой стороны не последует отказа, обе стороны, по-видимому, продолжали «делать хорошую мину при плохой игре» и формально находились между собой в мирных отношениях.

Однако после сговора в Орвието — это легко понять — у Византии было еще менее оснований, чем раньше, тщательно следить за соблюдением заключенных с Венецией трактатов. Нападения греческих пиратов на

⁶⁵ FRA DA, vol. XIV, p. 301.

⁶⁶ E. Dade. L'empire latin... , p. 57—58.

⁶⁷ Sanudo Torsello. Istoria, p. 133.

⁶⁸ F. Dölger. Corpus... , p. 74—75.

⁶⁹ A. Danduli. Chronicon, col. 389.

⁷⁰ Ibid., col. 391, 394.

⁷¹ Ibid., col. 396 sq.

⁷² Ibid., col. 398.

венецианские торговые корабли учащались, возмещение убытков задерживалось, или претензии венецианских купцов оставались вовсе без удовлетворения. Раздражение в Венеции нарастало. Надо было ожидать серьезного политического кризиса во взаимоотношениях между обоими государствами

IV

Начавшаяся в 90-х годах вторая большая война между Венецией и Генуей тесно переплетена с военными операциями Венеции против Византии. В исторической литературе дело часто изображается таким образом, что переход Венеции к вооруженной борьбе против Византии будто бы был вызван тем, что Андроник II, вступивший на трон в конце 1282 г., не соблюдал нейтралитета в генуэско-венецианской войне. Это мнение опирается на свидетельство таких источников, как Пахимер и Никифор Григора⁷³. Однако это, по-видимому, не совсем так. В «Дополнениях» к хронике Дандоло автор свидетельствует, что фактически война между Византией и Венецией началась независимо и ранее начала враждебных действий между Венецией и Генуей. Анонимный автор «Дополнений» сообщает, что при доже Пьетро Градениго (1289—1311) между Венецией и императором Константинополя «возникло великое несогласие». Венецианский флот под командованием Панкратия Марипетро опустошил ряд территорий империи и намеревался овладеть одним из островов, принадлежавших Византии, но вынужден был отступить. Посланный вместо Панкратия Марипетро Якопо Тьеполо действовал более удачно и взял большое количество пленных. Анонимный автор «Дополнений» относит эти события на 1292 год, когда между Венецией и Генуей, по крайней мере формально, еще сохранялись мирные отношения⁷⁴.

Война между Генуей и Венецией началась, как известно, в 1294 г. Причиной ее было старое торговое соперничество в Восточном Средиземноморье, обострившееся в 90-х годах еще более благодаря тому, что торговые позиции Венеции и Генуи в Сирии, в связи с ликвидацией там всех крестоносных владений в 1291 г., ухудшились. К тому же начавшаяся фактически война между Венецией и Византией сулила Генуе надежду на полное вытеснение Венеции из областей, лежавших к северу от Абидоса. Византия, правда, не могла оказать сколько-нибудь серьезной помощи Генуе, так как ее сухопутные силы были незначительны, а флот пришел в упадок⁷⁵. Тем не менее для реализации генуэских планов было очень важно, чтобы Андроник как можно глубже увяз в этой войне. Венецианцы и сами помогли им в этом.

Выступление Андроника против венецианцев в Константинополе и византийские и венецианские источники ставят в связь с разгромом венецианским флотом генуэской Галаты, укрепления которой тогда еще не были закончены⁷⁶. Большой венецианский флот — Пахимер сообщает, что он состоял из 75 кораблей — в июле 1296 г. внезапно появился перед Константинополем⁷⁷. Ворота города немедленно были закрыты, и гарнизон

⁷³ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940, S. 351; Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia*, col. 368 sq; Georgius Pachymeres. *De Michaele et Andronico Paleologis*, col. 161 sq.

⁷⁴ *Supplementa*, ed. Muratori. SS, vol. XII, col. 403.

⁷⁵ Nicephorus Gregoras *Byzantina Historia*, col. 366, 367.

⁷⁶ *Ibid.*, col. 368; Georgius Pachymeres. *De Michaele et Andronico Paleologis*, col. 161 sq. *Supplementa*, ed. Muratori, col. 406.

⁷⁷ Georgius Pachymeres. col. 161.

заял свои места. Венецианская колония была взята под подозрение и арестована. Генуэзцы оставили Галату и, с разрешения Андроника, укрылись в городе. Венецианский флот зажег Галату и пробовал овладеть городом, но был отражен греческими войсками⁷⁸. В ответ на все это императором было конфисковано имущество арестованных венецианцев и обращено на покрытие убытков генуэзцев в Галате⁷⁹. Несколько позднее генуэзцы убили венецианского байло и несколько других лиц из венецианской колонии в Константинополе⁸⁰.

Андроник через специальных послов в Венецию пробовал очистить себя от подозрения в соучастии в этих убийствах и просил мира. Сенат, однако, потребовал возвращения конфискованного имущества и освобождения арестованных венецианцев⁸¹. Послы императора не были уполномочены на принятие таких решений, почему Венеция сама направила посольство к Андронику с теми же требованиями. Андроник, по настоянию своих советников, отказался пойти на эти условия, и война продолжалась⁸².

В 1297 г. венецианский флот снова появился под стенами Константинополя и потребовал от императора возмещения причиненных в 1296 г. убытков. В этом им снова было отказано. Тогда венецианский адмирал сжег еще несколько домов в Галате, уничтожил большое количество хлеба и других ценностей, а затем принялся за систематическое опустошение берегов и островов Мраморного моря⁸³.

Положение Андроника было безвыходным, и он вынужден был еще раз отправить в Венецию посольство, которое, по-видимому, не имело успеха.

Война Генуи и Венеции в это время принимала все более и более напряженный характер, но шла с переменным успехом. Венецианский флот несколько раз прорывался в Черное море, причем он сжигал и топил не только генуэзские, но и греческие суда⁸⁴. В 1298 г. был разгромлен генуэзцами около острова Корчулы в Адриатическом море большой венецианский флот, понесший огромные потери, но Венеция собралась с новыми силами и нанесла своему противнику ряд ответных ударов.

Становилось все более и более очевидным, что ни та, ни другая сторона не в силах одолеть своего противника. Надо было кончать войну. В 1299 г. при посредничестве викария западного императора, папы, Карла II, короля сицилийского, и Маттео Висконти, владельца Милана, начаты были генуэзско-венецианские переговоры, которые и закончились миром на условиях *status quo*.

⁷⁸ *Georgius Pachymeres*, col. 163.

⁷⁹ *Ibid.*, col. 165.

⁸⁰ Никифор Григора и Пахимер с одной стороны и венецианский аноним — с другой истолковывают ход этих событий по-разному: византийские писатели рассматривают эти действия как акт мести за разгром Галаты, тогда как венецианский источник разгром Галаты объясняет желанием Венеции покарать генуэзцев за убийство венецианцев.

⁸¹ *Georgius Pachymeres*, col. 166.

⁸² *Ibid.*, col. 198.

⁸³ Вероятно, именно эти события имеет в виду венецианский аноним, рассказывая без указания года о походе под Константинополь флота под командованием Беллето Джустиниани, когда он *multos graecos, quos ceperat, in conspectu omnium, laqueo suspendi mandavit, et multa casalia, et mansiones, quae extra muros Constantinopolis erant concremavit*. . . (*Supplementa*, ed. Muratori, col. 409). Пахимер сообщает, что, захватив много греческих пленных, венецианский адмирал на глазах у прибрежных жителей всячески их мучил, вымогая у них и зрителей этой сцены все те же спорные деньги. Жители умоляли императора начать с насильниками переговоры и выслать им немедленно 4 тыс. перперов на выкуп захваченных пленных (*Georgius Pachymeres*, col. 225).

⁸⁴ *Supplementa*, ed. cit., col. 406, 407.

Военные действия против Византии Венеция, однако, не прекратила. В мирном договоре с Венецией Генуя хотя и оговорила свое право взяться за оружие в том случае, если Венеция овладеет какой-нибудь новой территорией Византии, а Генуя не найдет возможным с таким захватом согласиться⁸⁵, но тем не менее было ясно для всех, что Лигурийская республика бросила своего союзника. Приведенная оговорка в договоре не была, конечно, проявлением заботы о целостности империи, а вызвана была боязнью дальнейшего усиления противника. Венеция, поэтому, в сущности без всякой помехи могла заниматься систематическим опустошением берегов империи Андроника. Было очевидно, что дальнейшая борьба не могла оправдать себя, — Андроник должен был признать себя побежденным.

В 1302 г. был, наконец заключен мир.

Новый трактат подтверждал все прежние привилегии венецианцев в пределах империи, обеспечивал за ними и все их прежние владения и даже несколько увеличивал их, так как Андронику пришлось отказаться еще от нескольких островов, захваченных во время войны венецианцами — Аморгоса, св. Ирины и др.⁸⁶ Важнейшим разделом трактата был, однако, вопрос о возмещении убытков, причиненных венецианцам во время войны. Формально убытки должны были возмещать обе стороны, но венецианцы ухитрились насчитать в свою пользу весьма внушительную разницу в 709 тыс. перперов, которую и надлежало теперь выплатить Византии⁸⁷. Договор заключался на 10 лет и по истечении этого срока подлежал дальнейшему продлению, если ни одна из сторон за 6 месяцев до истечения срока не заявит отказа от его продления⁸⁸. В марте 1303 г. трактат был ратифицирован Андроником.

Таким образом, возник новый договор, который должен был регулировать взаимоотношения Византии и Венеции на ближайшие десятилетия.

V

Положение Византии становилось все более и более трудным. Старый враг на Востоке, напор которого временно был ослаблен татарами, — турки, становится все более и более агрессивным. «Эти варвары, — писал Пахимер⁸⁹, — все заполнили собсю на широком пространстве, и уже весь Восток от моря до моря они держали в своих руках, охватив его со всех сторон». Попытка противопоставить туркам каталонцев привела к новым еще более тяжелым осложнениям и потерям. Обострились отношения на Западе: антиуниатская политика Андроника поссорила его с папством, — и Климент V, как некогда Мартин IV, отлучил императора от церкви⁹⁰; претензии Карла Анжуйского заявлял теперь Карл Валуа, брат французского короля Филиппа IV, женившийся на Катарине, дочери Филиппа и Беатрисы Анжуйской, наследнице короны Латинской империи; напомнили о себе различные крупные феодалы Франции, вроде герцога Бургундского и графа Шампанского, которым в свое время надавал различных по-

⁸⁵ Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus venetorum, ed. Flaminius Corn. Venetiis, 1758, p. 205.

⁸⁶ Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res venetas, graecas atque Levantis illustrantia. a. 1300—1350. ed. Thomas. Venetiis, 1880, p. 15.

⁸⁷ Ibid., p. 16.

⁸⁸ Ibid., p. 15.

⁸⁹ Georgius Pachymeres, col. 225.

⁹⁰ Diplomatarium, p. 61.

сулов экс-император Балдуин. Папа и Карл Валуа снова поднимают вопрос о «восстановлении империи».

Не трудно понять, что Византии, потерявшей еще несколько богатых малоазийских провинций, обедневшей вследствие неистовств на ее территории каталонских наемников, не легко было выплачивать те весьма значительные денежные суммы, которые возложены были на нее Венецией договором 1302 г. На лагунах, однако, в первое время не теряли надежды на получение этих денег и не желали создавать себе новых затруднений на Востоке, где потеря сирийских позиций заставляла особенно дорожить черноморскими портами, значение которых в торговле с восточными странами быстро возрастало. В Венеции, поэтому, сначала довольно холодно относились к папским и французским планам. Требование первого авиньонского папы, Климента V, прекратить всякие сношения со «схизматиком Андроником, который называет себя императором», не нашло отклика на лагунах, — наоборот из Венеции было дано указание епископам Крита, Милопотамы и Каламоны, где было много греческого населения, чтобы они воздержались от претворения в жизнь папской энциклики⁹¹.

Однако надежды Венеции в короткий срок «выколотить» из Византии указанные в договоре деньги, по-видимому, не оправдались: платежи поступали нерегулярно, или совсем не поступали. В то же время продолжалась нападения византийских пиратов на венецианских купцов, дававшие повод к предъявлению новых и также бесплодных претензий к Византии. В Венеции начали терять терпение.

Между тем папа и Карл Валуа удвоили свои усилия по вовлечению Венеции в проектируемые ими планы, в особенности после того, как их попытки привлечь на свою сторону Геную оказались бесплодными⁹². Во второй половине 1306 г. в Венеции появились послы Карла Валуа с широкими планами и еще более широкими обещаниями. Они утверждали, что папа и король Франции на стороне Карла, что ему готов оказать помощь Фридрих сицилийский, что и тот и другой могут рассчитывать на поддержку их планов каталонцами, бесчинствовавшими в это время на Балканах. Венецианцам — по их словам — остается дать только необходимые перевозочные средства⁹³.

Соблазн был велик. Венецианцы решили еще раз попытать счастья. В декабре 1306 г. договор был подписан. Так возникло новое Орвието.

Договаривающиеся стороны ставили своей задачей овладеть империей «во славу церкви». Обязательства союзников были все те же, которые были приняты договаривавшимися сторонами в Орвието, — на этот договор была сделана прямая ссылка. Поход на Константинополь намечался на март 1307 г. Венеция должна была доставить корабли, союзники — войска. На лагунах, впрочем, не хотели оказывать союзникам этой услуги даром, — Карл Валуа должен был оплатить Венеции содержание войск во время перевозки. Французский претендент обязывался, кроме того, заручиться поддержкой своего брата, короля французского, который должен был остановить всякого, кто подумал бы помешать предприятию⁹⁴. Этот последний пункт имел в виду очевидно генуэзцев, в планы которых вовсе не входило восстановление Латинской империи и торжество Венеции на Босфоре.

⁹¹ *Diplomatarium*, p. 62—63.

⁹² E. Dade. *L'empire latin...*, 115.

⁹³ *Ibid.*, p. 116.

⁹⁴ *Diplomatarium*, p. 49 sq.

Папа пришел в восторг от такого успеха своей политики: в письме к венецианским епископам он говорил о своей радости и приравнивал затеваемый им поход к деяниям крестоносцев⁹⁵, причём оправдывал намечавшуюся агрессию не только «схизмой» Андроника, но еще и необходимостью предотвращения опасности, которая угрожала де Константинополю со стороны неверных турок и сарацин⁹⁶.

Двоедушная политика Венеции не могла улучшить ее положение на Босфоре и в то же время не привела к реализации той цели, которую ставили себе союзники. Сбор войск явно затягивался. Чтобы как-то оправдать промедление, Карл Валуа в мае 1307 г. обратился к Венеции с письмом, в котором предполагал ввести в заключенный договор некоторые уточнения. В Венеции попробовали отнестись к этому предложению серьезно. В этом же году во Францию к королю Филиппу и его брату Карлу было отправлено посольство из трех лиц — Андрея Цено, Якопо Квирины, Марко Бадоэро, которые должны были выяснить политическую ситуацию на месте. Венецианские послы быстро убедились в том, что французский король весьма мало думает о восточных планах своего брата и, занятый своими собственными делами, не может оказать Карлу никакой материальной поддержки⁹⁷.

Действительно, в 1307 и 1308 гг. была предпринята лишь небольшая военная операция в район Негропонта и Кассандрии, не давшая никаких результатов, а в 1309 г. Карл просил Венецию о новой отсрочке, намечая в качестве окончательной даты восточной экспедиции февраль 1310 г.⁹⁸ В связи с этим в сентябре 1309 г. дож направляет Клименту V обширное послание, в котором указывает на большие расходы республики, связанные с подготовкой к походу, и просит папу побудить Карла выполнить, наконец, свои обязательства. Папа направил это письмо к французскому королю и со своей стороны просил Филиппа, «чтобы то, что было говорено, было надлежащим образом реализовано»⁹⁹. Это было все, что папа при данных обстоятельствах мог сделать. В Венеции убедились окончательно в том, что договор останется «на бумаге» и, хотя возня вокруг этого дела продолжалась и далее¹⁰⁰, венецианцы решили возобновить и уточнить мирный трактат 1302 г.

Переговоры об этом начались осенью 1310 г. и закончились подписанием во Влахернском дворце нового соглашения сроком на 12 лет. Договор в своей основе воспроизводил статьи прежних трактатов, но в нем, в соответствии с изменившейся политической обстановкой, мы находим новые пункты. В частности, венецианцы отказывались от всякой помощи каталонцам и туркам (что в свое время было предусмотрено в договоре с Карлом Валуа), а греки не должны были появляться во всех тех владениях республики, где против нее вело борьбу местное население (венецианцы все еще думали, что почти не прекращающиеся восстания и война на Крите в какой-то степени — дело рук Палеологов)¹⁰¹. Обе стороны хотели невмешательства в свои дела. В Венеции, вероятно, убедились также и в том, что обедневшей, разоренной внутренними потрясениями и внешней борьбой империи Андроника не выплатить огромных сумм, предусмотренных договором 1302 г., — теперь вся задолженность Византии была опре-

⁹⁵ Di Iomatarium, p. 53.

⁹⁶ Ibid., p. 54.

⁹⁷ Ibid., p. 59—60.

⁹⁸ Ibid., p. 75—76.

⁹⁹ Ibid., p. 78.

¹⁰⁰ Ibid., p. 95.

¹⁰¹ Ibid., p. 84.

делена только в 40 тыс. перперов, выплачиваемых в 4 года, по 10 тыс. перперов ежегодно, причем выплата этой суммы должна была гарантировать Византию от всяких дальнейших притязаний как со стороны правительства Венеции, так и со стороны отдельных граждан республики¹⁰².

По-видимому, обе стороны и этот договор выполняли плохо: жаловались на его нарушения и венецианцы и византийцы. От 1317 г. мы располагаем письмом константинопольского байло, в котором он жалуется на различные притеснения, чинимые венецианским купцам в Константинополе, и в частности на то, что от купцов, желавших получить льготы, предусмотренные договором с Венецией, требовали доказательств венецианского происхождения не только отца, но и деда и даже прадеда. Байло писал, что это особенно неприятно потому, что генуэзские купцы свободны от этих притеснений¹⁰³. От 1319 г. сохранилось обширное послание византийского правительства, в котором изложены жалобы на различные обиды, причиненные греческим купцам. Из этого документа видно, что венецианские колониальные владения — Крит, Негропонт, Корон и Модон — были базами, опираясь на которые венецианские пираты грабили византийских купцов¹⁰⁴. Византийское правительство собрало факты этого рода за время с 1311 по 1317 гг. и теперь требовало возмещения убытков. Венецианцы со своей стороны отвечали встречным иском, выразив одновременно готовность удовлетворить те претензии византийских купцов, которые подпадут под действие существующего между сторонами договора¹⁰⁵. Вместе с тем Венеция выдвинула ряд жалоб на нарушение некоторых других пунктов договора. Было указано, например, что императорские чиновники пытаются облагать пошлинами оптовый оборот венецианских купцов, что они заявляют налоговые претензии в отношении тех венецианцев, которые прибывают с товарами на иноземных кораблях, что императорская казна не возмещает причиненных убытков или неправильно взысканных сборов даже в тех случаях, когда император дает приказ о такой выплате, так как государственная казна обычно пуста, и нужно ходить по два, три раза и более, чтобы получить нужные деньги. Венецианцы утверждали, что императору надо выплачивать такие суммы из своей личной казны¹⁰⁶.

Так началась бесконечная переписка между обоими государствами, полная взаимных упреков за причиненные обиды и денежных претензий за убытки¹⁰⁷.

Венецианский консул в Солуни жалуется на то, что дом, предоставленный здесь Венеции, очень мал и неудобен, что греки, заключая сделки с венецианскими купцами, не хотят знать венецианского консула, что местные власти чинят препятствия при закупке хлеба, а уже закупленный хлеб отнимают и передают генуэзцам¹⁰⁸. Венецианское правительство, перечислив ряд ограблений венецианских торговых кораблей, указывало на факты прямого насилия над подданными Венеции: на побережье против острова Корфу толпа убила нескольких венецианских купцов, а мегадука, т. е. главный адмирал византийского флота, напал на одно из венецианских владений и увел в плен более 150 человек мужчин и женщин. Все это остается безнаказанным, и убытки не возмещаются¹⁰⁹.

¹⁰² *Diplomatarium*, p. 84.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 104.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 125—127.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 132.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 133.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 135.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 134.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 137—138.

Со своей стороны император жалуется на то, что греки, попавшие на остров Крит даже случайно, например занесенные туда бурей, задерживаются там и даже обращаются в рабство. Император вместе с тем отказывается нести ответственность за те неблагоприятные действия, которые совершаются его непокорными вассалами, каким был, например, деспот Арты, и тем более — за действия мегадуки царского флота, которым числился одно время Рожер де Флор, действительно не считавшийся с Андроником. Император признает, что деньги венецианцам действительно не выплачиваются, но это потому, что и венецианцы причиняют убытки грекам; с другой стороны, претензия на выплату убытков и неправильно взысканных сумм из личной казны императора не основана на договоре, так как в нем такого обязательства со стороны Византии нет¹¹⁰.

В Венецию тем временем продолжали поступать все новые и новые жалобы на обиды, чинимые венецианцам. Константинопольский байло в своем письме на имя дожа от 3 марта 1320 г. сообщал: «Подводя итоги, должно заметить, что венецианцы и подданные дожа и коммуны Венецианской на всем пространстве империи никогда не подвергались худшему обращению, чем в настоящее время, — долго будет перечислять по отдельности все то, что делают по отношению к ним люди императора; в многочисленных письмах наших консулов из Солуни и других мест сообщается о таких ежедневных обидах, которые никоим образом нельзя переносить далее; мы много раз указывали на это императору, но не могли добиться ничего, кроме слов и проволок»¹¹¹. Новый венецианский байло в следующем году мог только подтвердить то, о чем писал его предшественник и предъявить новый список убытков венецианских нобилей и купцов¹¹².

На Западе между тем начались новые переговоры по вопросу о «возвращении империи». На этот раз претендентом был Филипп, герцог Тарентский, сын Карла Анжу и Катарини старшей, женившийся на Катарине, дочери Карла Валуа, и получивший в качестве приданого претензии на константинопольский трон. В своем письме дожу он сообщал о том, что он не отказался от своих «прав» на константинопольскую корону и приглашал Венецию вступить с ним в переговоры по этому делу¹¹³. В Венеции, однако, уже изверились во всех этих проектах и отнеслись к сделанному предложению, как оно ни было соблазнительно при данных обстоятельствах, весьма сдержанно. На специальном заседании «мудрых» от 1322 г. было решено продолжать пока прежнюю политику. Константинопольскому байло было рекомендовано терпеливо и настойчиво добиваться выполнения заключенного ранее договора. В этом году оканчивался срок его действия, но так как ни та, ни другая сторона не заявили о его разрыве, то он, по крайней мере формально, оставался в силе. В Венеции, однако, решено было добиваться некоторых к нему дополнений. На том же совете решено было потребовать через константинопольского байло «нового со всех сторон огражденного места» в столице, в котором венецианцы могли бы чувствовать себя в безопасности, — байло и его советники должны были указать такое место. Вместе с тем венецианцы хотели добиться от византийского правительства ремонта предоставленных им помещений и церкви в Константинополе¹¹⁴. Вновь поднят был и вопрос о вывозе хлеба за пределы империи. Вокруг этого уже давно шли споры между Венецией и Византией. Венецианцы настаивали на неограниченном праве покупки и продажи

¹¹⁰ *Diplomatarium*, p. 146.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 167.

¹¹² *Ibid.*, p. 181 sq.

¹¹³ *Ibid.*, p. 170—171.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 187—188.

хлеба в пределах империи и притом без всякого обложения со стороны императорского фиска; император допускал вывоз хлеба только при определенных условиях — и это было обусловлено договором — и считал себя в праве облагать специальным налогом операции венецианских купцов по продаже хлеба, завозимого преимущественно с берегов Черного моря. Теперь в Венеции считали возможным согласиться с императором в отношении пшеницы, но требовали беспошлинной и беспрепятственной торговли всеми остальными фуражными и продовольственными культурами¹¹⁵.

Начались переговоры, приведшие летом 1324 г. к заключению прелиминарного соглашения. Новый трактат — последний в правление Андроника Старшего — предусматривал продление прежнего соглашения еще на пять лет, причем обе стороны торжественно обещали строго соблюдать его условия. Император согласился уплатить и действительно уплатил 14 тыс. перперов, которые все еще должен был Венеции, а в погашение новых претензий, которые не преминули предъявить венецианские дипломаты, обещал выплатить еще 12 тыс. перперов равными долями в течение четырех лет. Со своей стороны Венеция пошла на уступки в вопросе о торговле хлебом¹¹⁶.

Таким образом, обе стороны пошли на компромисс, так как обе они нуждались в мирном решении всех спорных вопросов. Последние годы Андроник был поглощен борьбой со своим внуком, Андроником Младшим, а в Венеции окончательно убедились в том, что проекты «возвращения империи» чужими руками беспочвенны, и что всякие попытки насильственных действий будут способствовать только дальнейшему усилению на Босфоре прочно обосновавшихся в Галате генуэзцев.

Этим же объясняется и лойяльное поведение Венеции по отношению к Андронику Старшему в период его борьбы со своим внуком. Когда Андроник Младший пытался привлечь венецианцев на свою сторону и просил помочь ему овладеть Константинополем, то в Венеции это предложение было отвергнуто. Никифор Григора, сообщающий об этом факте, думает, впрочем, что венецианцы так поступили, страшаясь сильных укреплений столицы¹¹⁷; но это только домысел византийского историка, не имеющий под собою серьезных оснований, — ведь не остановились же венецианцы сто лет до того перед штурмом константинопольских стен, тогда не менее крепких, чем во времена обоих Андроников. О их решении держаться строгого нейтралитета говорят и обстоятельства, которыми сопровождалось их выступление против Галаты в заключительный период борьбы деда и внука. После того как Андроник Младший захватил Македонию с Солунью, сербы, союзники Андроника Старшего, бездействовали, а болгары, сторонники Андроника Младшего, угрожали Константинополю, и претендент еще раз подступил к столице, в Босфоре показался венецианский флот в составе 40 кораблей. Большая часть этого флота, 32 корабля, вошли в Золотой Рог к Галате, а остальные восемь, усиленные еще четырьмя вооруженными торговыми судами, остались сторожить пролив. Венецианцы, основываясь на договоре, заключенном после окончания в 1299 г. войны с Генуей, требовали от генуэзцев возмещения за убытки, причиненные генуэзскими пиратами венецианским купцам. Генуэзцы, однако, хоть и не отказывались от уплаты, но и не торопились платить. Венецианский флот поэтому в течение некоторого времени блокировал Галату и Босфор. Но никаких насилий по отношению к визан-

¹¹⁵ Ibid., p. 190.

¹¹⁶ Ibid., p. 194 sq.

¹¹⁷ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 605.

тийцам венецианцы не совершали. «Нельзя было надивиться, — пишет византийский историк Никифор Григора, — прекрасной военной дисциплине и справедливости венецианцев. Никто из них не брал ничего чужого иначе, как за деньги. . . Лодки ромеев в большом количестве плавали вокруг венецианских кораблей, доставляя им все в изобилии, а венецианцы платили им более, чем стоили вещи». Они также ничего не взяли и со всех тех кораблей, которые они остановили в Босфоре, а они были нагружены хлебом, пшеницей и ячменем, соленой рыбой с Азовского моря и другими товарами. Когда венецианцы, заканчивает свой рассказ Никифор Григора, получили с генуэзцев все, что те были им должны, они вернулись восвояси¹¹⁸.

На лагунах, очевидно, стали понимать, что дальнейшее ослабление Византии и смуты в империи не в их интересах. Уже во время войны двух Андроников эмиры приморских областей Малой Азии завели значительные флоты и под предлогом помощи той или другой из воюющих сторон или без всякого предлога грабили берега Македонии и Фракии¹¹⁹. Количество пиратов в Эгейде увеличилось, от чего не могла не страдать и венецианская торговля. Тогда еще никто не мог предвидеть размеров опасности, которая угрожала и Византии, и Венеции, и Генуе из северо-западного угла Малой Азии, где зарождалось могущество османов; но простого купеческий расчет подсказывал венецианскому правительству необходимость не осложнять и без того запутанную обстановку на Востоке и не способствовать здесь дальнейшему росту анархии и морских разбоев.

* *
*

Таковы основные линии венецианской политики в отношении империи Палеологов в конце XIII и начале XIV вв.

В исторической литературе можно иногда встретить утверждение, что в этот период венецианская политика утратила и постоянство, и ясное понимание реальных выгод¹²⁰. Изложенные факты не подтверждают этого мнения. Мы видим, что Венеция очень последовательно и настойчиво стремилась к осуществлению тех задач в Восточном Средиземноморье и в Причерноморье, которые были обусловлены интересами класса, господствовавшего в республике св. Марка. Но ее политика отличалась не только целеустремленностью, но и исключительной гибкостью. Ее программным максимум было восстановление того, чего она лишилась в 1261 г. Но неудачи в деле «возвращения империи» побудили венецианское правительство пойти на закрепление договорных отношений с Византией и добиваться от нее более строгого соблюдения заключенных трактатов. Венеция с большой охотой положила бы ключи от Черного моря — Босфора и Дарданелл — в свой карман, но если это оказалось невозможным, она считала нужным, чтобы они находились в руках бессильных Палеологов.

¹¹⁸ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 605.

¹¹⁹ Ibid., col. 533.

¹²⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 667.